

нас кто-либо из чиновников торгоут-бэйлэ'ского управления, чтобы в свою очередь, знать, как поживают на развалинах русские.

Хотелось и о себе дать знать что-нибудь близким и далеким друзьям и общественным учреждениям. Из Хара-хото я решил отправить последнюю большую почту, с отчетом в Географическое общество и частными письмами в Ургу и Россию.

Не только мои спутники, но и туземные рабочие вскоре прониклись интересом к раскопкам. Мы только и говорили, что о Хара-хото: вечером — о том, что найдено в течение истекшего дня, утром — что можем найти. Попрежнему мы просыпались с зарей и в сравнительной прохладе вели свои работы; днем отдыхали, а то и пуще томились от изнурительного жара, так как в тени воздух нагревался до 37° слишком, а земная поверхность накалялась солнцем свыше 60° С.

Особенно страдал от духоты мой и без того слабый здоровьем, фельдфебель Иванов, который после несчастного случая — тяжкого падения с верблюда — чувствовал себя всё время очень неважно и даже внушал серьезные опасения за его жизнь.

Пыль и песок, поднимаемые горячим ветром, положительно изнуряли всех.

За всё, почти месячное, время пребывания наше на развалинах пустынного города, прошел только один раз сильный дождь, хорошо смочивший землю и встряхнувший застоявшийся воздух оглушительными ударами грома... Маленькие дожди перепали изредка, им обыкновенно предшествовала северо-западная или юго-западная буря, приносящая вместе с несколькими каплями влаги — желтые облака пыли, из-за которых темно-синие дождевые тучи казались грязно-серого цвета. Приближение такого урагана всегда заметно издали по грозному облаку, несущемуся с далекого горизонта и сокрушающему всё на своем пути. Сначала по пустыне пробегает вихрь, потом мощным порывом ветра срывается с земли верхний слой почвы и начинает кружиться в воздухе. Юрта пригибается к земле, ее решетчатый остов хрустит, словно кости живого существа, а палатка, надувшаяся как парус, стремится улететь в пространство; обычно, собравшиеся на биваке монголы издают